

К.Я. Никифоровский

**Нечистики. Свод
простонародных в Витебской
Белоруссии сказаний о
нечистой силе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
К11

К11 **К.Я. Никифоровский**
Нечистики. Свод престонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе / К.Я. Никифоровский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 103 с.

ISBN 978-5-4241-9722-2

ISBN 978-5-4241-9722-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

внукъ. Очень можетъ быть, что сѣй дѣдъ лично не переносилъ ни шведскихъ, ни ляхскихъ разорительныхъ находовъ; зато до конца дней своихъ онъ помнилъ „рубанину, или руину“, помнилъ двѣ „бунтонины, Савастоплю“, грозную рекрутчину, многократныя голодовки, опустошительныя „болѣзные годы“ и, въ особенности—страшную „панцину“. Все это прошло разоромъ по дѣдовской жизни, лично имъ и его присными перенесено, пережито; но все это совершенно невѣдомо завидливому внуку, при немъ перешло въ область преданій, гдѣ отдѣльныя событія представляются уже смутными, неизнаваемыми. Такъ, завидливый внукъ удостовѣряетъ, будто вотъ тѣ высокія насыпи есть „швецкія“ могилы и тутъ же, благодаря фальшивой филологіи, поясняетъ: въ давніе годы живали „швѣцы“ (портные); они прославились мастерствомъ,—за чтó и удостоены почетнаго погребенія... Нѣчто подобное и о галлахъ съ двенадцатью языками, почему-то смѣшиваемыхъ съ галками (птицами)—какими-то выродками пернатого царства, когда то полетѣвшими изъ отдаленныхъ краевъ на пагубу и разореніе нашей родины. Что же касается „руины и Савастопли“, то памятованіе о нихъ сливается съ понятіемъ о „хранцахъ“—органическомъ недугѣ, каковая немочь успѣшно вылѣчивается докторами и въ больницахъ... Несомнѣнно, что и ближайшія къ внуку событія изъ жизни дѣда съ теченіемъ времени закроются чѣмъ-нибудь смутнымъ и, если онъ не дастъ имъ фальшиваго толкованія, такъ наполовину скраситъ жизненную ихъ правдивость.

Опираясь на тѣ или другія данныя, можно, кажется, подвести приблизительные итоги траты и разора отъ указанныхъ матеріальныхъ нестроеній, можно опредѣлить границы ихъ, какъ и средства огражденія. Набѣжали шведы, ляхи, галлы, появились мятежники—побили они, пограбили, полонили, да и „замирились“—жизнь снова потекла обычнымъ путемъ; выдался болѣзненный или голодушный годъ, потомилъ онъ современниковъ да и миновался—опять потекла прежняя жизнь; отбылъ дѣдъ панцину, ушелъ отъ несносной пригошной неволи, или припра-

тался на время отъ рекрутчины—все же у него не потеряна надежда возвратиться къ семьѣ, къ продолженію остановленной жизни. Потужить онъ по поводу происшедшаго, поправить дѣло по мѣрѣ обстоятельствъ и разумѣнія, поблагодарить судьбу за сохраненіе драгоценнаго дара—жизни и подпорныхъ при ней рукъ, и съ ними снова примется за прерванные дѣла, какъ та Божья пчелка, у которой только-что разорили восковыя сооруженія, пограбили плоды долгихъ трудовъ.

А вотъ, куда ему бывало дѣваться, какъ противодѣйствовать безчисленнымъ незримымъ врагамъ, какъ поправлять учиняемыя ими траты? Не уйти бывало ему отъ этихъ враговъ ни въ чащи, ни въ дупла, ни въ пещеры, ни на сваи, не противопоставить имъ матеріальной силы: съ быстротою мысли враги окружали безпомощника, пробрались черезъ высокія и крѣпкія стѣны, такія же ворота, башенныя и горныя выси, умѣя обходить все, чѣмъ сопротивлялся слабый умъ человѣка. Правда, не полоняютъ эти враги матеріально, зато опутаютъ незрими стѣнами, изъ которыхъ жертвѣ не выбраться собственными силами; не пограбятъ—зато настроятъ множество преградъ къ притоку въ домъ добра; не побьютъ—зато медленно изведутъ. При всемъ этомъ въ страданіяхъ жертвы они постараются съ злорадствомъ видѣть свою побѣду, праздновать начало торжества. И какъ много этихъ враговъ, какъ обильны притонныя ихъ мѣста! Нескончаемые дремучіе лѣса, „долгія нивы и поля“, воды въ-рѣзь-край береговъ, необозримыя болотины, овражныя пропасти, горныя выси—сколько тутъ простора незриму врагу! А между тѣмъ волей-неволей давній человѣкъ принужденъ былъ вѣдаться съ такими мѣстами, идти, такъ сказать, въ руки враговъ. Если же онъ изловчался уходить отъ нихъ въ столь пагубныхъ мѣстахъ, то можно ли было ручаться за безопасность въ собственномъ домѣ, вокругъ да около него?

Протекли многія десятилѣтія, въ теченіе которыхъ одни дѣды смѣнились другими: топоръ да пила скосили дремучіе лѣса, или разрѣдили лѣсныя пространства—и въ нихъ все слабѣе

и слабѣе стали раздаваться вражескіе переклики, пропало здѣсь давнее приволье, позволявшее врагу ходить по-на-лѣсью, а вшизу, у ногъ своихъ, заваживать жертву до потери силъ, до смерти; старинныя „долгія нивы“ измельчали, превратились въ пашенныя „шнуры“ шириною не болѣе простой бороны, или въ прыжокъ дюжлага молодца, а „долгія поля“ застроились усадьбами такъ густо, что жильцы, пожалуй, свободно могутъ переговариваться со своихъ дворовъ, или же эти поля прорѣзались сохами, вслѣдъ за которыми и посыпаются благословеннымъ зерномъ, это же послѣднее вручается полю и отбирается отъ него то съ молитвенными, то съ пѣсенными возгласами мирныхъ людей; изъ пустынныхъ когда-то водъ почти не выходитъ неводъ корыстолюбивыхъ рыболововъ, уже не первый десятокъ лѣтъ сѣтующихъ на обмелѣніе этихъ водъ и бѣдную поимку рыбы; среднее корыстолюбіе прорѣзало каналами грозныя болотины, превративъ ихъ въ пашни и луга, даже поселки, съ которыхъ, въ свою очередь, уже раздаются мирныя людскіе возгласы, при мирномъ веденіи житейскихъ дѣлъ; чрезъ овражныя пропасти перетянулись полотна подъ шоссе и рельсы, повисли мосты, и по нимъ ежедневно двинутся туда и сюда сотни людей, безстрашно тащатся предметы ихъ обиходности, перемѣщаются плоды промышленной и торговой наживы; что же касается горныхъ высей, то одна часть ихъ срѣзана дорожниками, при проведеніи полотна, или для той же цѣли просверлена насквозь, а другая густо окружена людскими поселеніями, вдоль и поперекъ протоптана безстрашными прохожими—и отсюда уже раздадутся развѣ призывные, распорядительные людскіе голоса, веселыя пѣсни молодежи... Въ всемъ этомъ ярко свѣтитса пріобрѣтенное умѣнье не только не страшиться незримаго врага, выживать его изъ насѣженныхъ мѣстъ, но и губить его окончательно, или же устраиваться такъ, чтобы съ презрѣніемъ смотрѣть на козни и наветы того же врага.

Пересиливъ исконнаго врага, смѣлый влукъ уже не страшится подлиннаго вражескаго имени, а произносить таковое и

въ дѣловой рѣчи, и въ шутливой бесѣдѣ, и въ браши, вовсе не желая знать, прибудеть, или не прибудеть врагъ на зовъ, не страшась и послѣдствій незримаго прибытія его,—что такъ непохоже на положеніе дѣдовъ. Бѣдняги по скорбному опыту знали, что „бѣсъ легокъ на поминъ“, не заставитъ призывать себя вторично, и что „съ чертомъ—не съ своимъ братомъ“, а потому всемѣрно обходили даже думу о немъ („задумалъ мужикъ брагу варить, а уже чертъ съ чаркой стоитъ“,—помнилось имъ), откренщивались и отплевывались при чужомъ или собственномъ поминѣ чертовскаго имени, при выслушиваніи повѣсти о бѣсовствѣ, а при крупной необходимости чертыхнуть, взамѣнъ подлинныхъ бѣсовскихъ именъ, употребляли иносказанія: „ѣтъ, той-самый, ѣтый-што, погáникъ, проклятикъ, рогатикъ, красавецъ хвостатый“ и проч. Если же такъ осторожно произносилось одно имя незримаго врага изъ опасенія, что онъ немедленно прибудеть на зовъ и бѣдъ надѣлаеть, то каково приходилось старикамъ, когда тотъ же врагъ незримо или образно приставалъ къ нимъ, становился поперекъ ихъ дѣлъ и нагѣреній, и когда необходимо было ограждать себя всюду и всегда?!

Но тутъ лучше всего прослушать дѣдовскую повѣсть о сихъ врагахъ, составленную изъ сказаній о нечистой силѣ. Преемственною передачею отъ дѣдовъ и отцовъ эта повѣсть сообщалась дѣтямъ и внукамъ, принималась ими послѣдними на вѣру, какъ выходящая изъ авторитетныхъ устъ старшихъ, какъ наука и предупрежденіе младшимъ. Стоя отдѣльно отъ библейскихъ и вообще религіозныхъ сказаній, предлагаемая повѣсть сложена изъ сводныхъ сказаній простонародья о нечистикахъ и передаетъ типичныя особенности разнообразныхъ представителей—внѣшній и внутренній складъ, образъ жизни, странности и привычки, отношеніе къ людямъ и собратьямъ, родъ дѣятельности, мѣсто и время послѣдней, при чемъ она даетъ разграниченіе нечистиковъ по тремъ категоріямъ. Къ первой отнесены повсюдные, вольные нечистики, ко второй—человѣкоподобники, прикованные дѣятельностью къ опредѣленному мѣсту, и къ третьей—демоно-

подобники. Предварительно же повѣсти о каждомъ нечистикѣ порознь слѣдуетъ общее сказаніе о нихъ, суммирующее простонародныя свѣдѣнія о нечистой силѣ.

Передавая исключительно устныя простонародныя сказанія о нечистикахъ, состоя въ связи съ данными „Примѣтъ и повѣрій“ (Витебскъ, 1897 г.), повѣсть не вторитъ сихъ данныхъ и только въ немногихъ случаяхъ ограничивается легкимъ поминомъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ существенныхъ дополненій къ повѣсти. Благодаря же своему характеру (сводъ сказаній), она лишена топографическихъ показателей, которыми остается считать всю область не разъ упомянутой Витебской Бѣлоруссіи.

5 мая 1898 года.

Витебскъ.

А. Общее о нечистикахъ.

Измельчавшій пылъ будничпый возгласъ: „одно слово— бѣсъ!“ суммируетъ дѣянiя и особенности нечистой силы, по своему свойству, посящiя отрицательную окраску. Совмѣщающiй въ себѣ источникъ зла, сѣятель его въ мiрѣ, завистникъ добра, есть существо, первымъ понесшее Божественное отверженiе и проклятiе: съ тѣхъ поръ это существо, „исчадье грязи и огня“, окруженное „смѣшенiемъ дня со тьмою“, уже не знаетъ добра, не стремится къ нему, а гдѣ и какъ можетъ, останавливаетъ и стороннее къ нему теченiе. Извращенность натуры, личное ослѣпленiе, или же нравственное рабство, могутъ, пожалуй, заставить иныхъ людей видѣть въ бѣсовскихъ дѣянiяхъ выраженiе добра, теченiе къ нему; но если вѣрно, что и людское добродѣянiе, съ его чистымъ источникомъ, забывается скорѣе злодѣянiя, такъ-какъ оно не призываетъ къ борьбѣ и дается легче, чѣмъ побѣда и торжество надъ послѣднимъ, то и бѣсовское добродѣянiе, непродолжительное, непрочное въ силу отрицательныхъ свойствъ своихъ, помнится еще меньше. Остаются незабываемыми только чистыя дѣянiя бѣсовской силы, какъ вызывающiя борьбу и страдашiя, а потому эти дѣянiя знакомѣ дѣянiи противоположнаго строя.

Какъ души, нечистики не подлежатъ приуроченiю къ мѣсту, неуловимы для матеріальнаго измѣренiя и описанiя. Если человѣческiя свѣдѣнiя о нихъ не лишены кажущейся полноты, то не слѣдуетъ забывать, что такiя свѣдѣнiя основаны на незримомъ

воздѣйствіи бѣсовской силы и лишь—на мимолетныхъ воплощеніяхъ нечистиковъ, кстати, неустойчивыхъ въ срокѣ и проявленіи матеріальнаго образа. Что на предметъ демоновѣднія достигнуто доселѣ изъ разбросанныхъ свѣдѣній о печистикахъ, то едва ли можетъ быть пополнено впредь, тѣмъ болѣе, что, при возрастающемъ людскомъ желаніи постигнуть тайну бѣсовскаго бытія, нечистики принуждены укрывать эту тайну, дабы оставаться невыловимыми непрежнему. Такимъ образомъ послѣдующая повѣсть о печистикахъ слагается изъ разъединенныхъ свѣдѣній о нихъ, скопленныхъ раньше и воспринятыхъ по указанному выше преемству.

Прежде всего въ нечистикахъ недостасть не только воздѣйсція, но и *одновременнаго пребыванія* въ двухъ пунктахъ, удаленныхъ другъ отъ друга на девять шаговъ. Если нечистикъ появляется тамъ и здѣсь, въ разъединенныхъ мѣстахъ, то въ семь сказывается лишь духотворческая способность къ болѣе быстрому, чѣмъ мгновеніе ока, перемѣщенію, которое однаково продолжительно и на трехъ шагахъ, и на трехъ тысячахъ верствъ, и только перемѣщеніе на востокъ, да отчасти на югъ, проходитъ медленно, собственно потому, что нечистикъ не можетъ смотрѣть въ лицо поднимающемуся солнцу. Одна мысль можетъ нѣсколько опережать указанное перемѣщеніе, не измѣняющееся и въ томъ случаѣ, когда нечистикъ движется съ невестественнымъ предметомъ, какъ, напр., грѣшною душою. Въ остальныхъ случаяхъ быстрота перемѣщенія зависитъ отъ принятаго нечистикомъ образа и отъ особенностей матеріальной попи: уже неодушевленные предметы значительно теряютъ свой видъ и свойства при быстромъ перемѣщеніи, а живыя, тѣлесныя существа, разумѣется, не выдерживаютъ его.

Преимущественный путь перемѣщенія есть воздушный и надъ водою, потому что здѣсь нечистикъ не можетъ натолкнуться на какой-нибудь освященный предметъ,—что, какъ извѣстно, причиняетъ непонятную при людскихъ страданіяхъ боль, далеко превосходящую обжогъ пламенемъ, каплею кипящей смолы, сѣр-

ной кислоты и проч. По той же причинѣ земныя перемѣщенія нечистиковъ медленнѣе воздушныхъ.

Среди множества мѣстъ на землѣ, какъ и въ близкомъ къ ней воздушномъ пространствѣ, нечистики не останавливаются на льницѣ, конопляникѣ и на пшеничной полосѣ: на первыхъ двухъ вырастаютъ предметы, производящіе масло—приправу къ постнымъ кушаньямъ и за нужду идущее на освѣтительныя надобности, а на второмъ—матеріаль для изготовленія просфоръ. Кроме того нечистики избѣгаютъ водовмѣстилищъ, гдѣ недавно освящена вода, стоятъ вербы, съ которыхъ отламывались вѣтки для освященія,—остатковъ, даже сродичей травы и цвѣтовъ, освященныхъ въ Ивановъ день, пока сродичи не будутъ побиты морозомъ, хотя и безнаказанно проносятся надъ всѣми этими предметами въ высотѣ, гдѣ не достаетъ ружейная пуля. Совершенно другое, когда попутно расположена церковь, каплица, „Божья нива“ (кладбище), придорожный, или полевой крестъ, или-же движется процессія: не только проносятся надъ ними, но и переступаютъ пограничной черты ни на какой высотѣ нельзя—и нечистики неизбѣжно должны дѣлать обходные крюки. Если въ сихъ мѣстахъ ютится подходящая жертва, то на нее приходится оказывать воздѣйствіе издали,—что теряетъ долю преуспѣянія. Кстати дополнить, что, какъ здѣсь, такъ и при другихъ случаяхъ, нечистики подступаютъ къ жертвѣ и помѣщаются при ней съ сѣверной стороны; въ ту же сторону они отступаютъ прочь. Исключеніемъ можно считать развѣ лицъ, ходящихъ по богомольнымъ мѣстамъ: нечистики подступаютъ къ такимъ лицамъ съ произвольной стороны; не касаясь жертвы, кружатся около нея, точно нитка при наматываніи на клубокъ, и этимъ движеніемъ незримо опутываютъ ее, до тѣхъ поръ, пока жертва самолично не осквернитъ предметовъ, вынесенныхъ изъ богомольныхъ мѣстъ, и тѣмъ не обезвредитъ доступа къ себѣ нечистиковъ. Разъ это достигнуто—начинается полная гибель жертвы, которая уже опутывается вперекрестную.

По другимъ сказаніямъ, нечистики не только входятъ въ

упомянутыя мѣста, но даже уносятъ отсюда нѣкоторые освященные предметы, для помѣщенія ихъ въ домъ своего ненавистника, когда необходимо опозорить его въ святотатствѣ. Ради послѣдней службы имѣются особы, продолжительнымъ сношеніемъ съ людьми значительно омірянившіяся, понесшія на себѣ не одну бѣсовскую, какъ и людскую кару, и, какъ видно будетъ ниже, исполняющія въ бѣсовскомъ мірѣ роль палачей при расправахъ съ нечистиками. Но при такомъ случаѣ нечистики пользуются не обычными людскими входами, чрезъ которые возможно перенесеніе святыни, а щелями, отверстіями и скважинами, соблюдая неизмѣнный бѣсовскій пріемъ—выйти тѣмъ же путемъ, какимъ вошелъ.

У нечистиковъ *нѣтъ всевиднїя*, которое замѣняется у нихъ высшею степенью прозорливости, глубокимъ и всестороннимъ знаніемъ человѣческой натуры. Но и о прозорливости нечистиковъ передается не мало преувеличеннаго, при чемъ существенно ошибкою нужно считать увѣреніе, будто они предвидятъ мысли и дѣянїя людскія изъ какой угодно дали; если же нечистикъ во время и кстатѣ попадаетъ къ худой мысли и дѣянїю, такъ единственно благодаря бѣсовской юркости, метапію съ мѣста на мѣсто, выраженному словами текста: „искїй кого поглотити“. Становясь лицомъ къ лицу съ подходящею жертвою, читая въ мелочахъ ея прошедшее и настоящее, нечистикъ не можетъ основательно заглянуть въ ея будущее, предрѣшить исхода своихъ по отношенію къ ней дѣянїй. Послѣдствіемъ сего бываетъ далеко не единичный просакъ, при чемъ нечистикъ позволяетъ перехитрить себя весьма заурядному проходимцу изъ людей. Да будь иначе, не существовало бы оплошныхъ нечистиковъ, какъ извѣстно, подвергающихся сатанинскимъ расправамъ, не было бы и частой гибели или увѣчья особей, про что такъ много повѣствуется въ сказанїяхъ о бѣсовской силѣ; не было бы и спасающихся отъ бѣсовскихъ навожденїй, которымъ, сверхъ противопоставленїя сторонней помощи, личной воли жертвы, много помогаетъ именно недостаточная прозорливость нечистиковъ.

Утверждаютъ, что „одинъ бѣсъ стоить легіона самыхъ ядовитыхъ змѣй“. Казалось бы, что для исполненія бѣсовскихъ обязанностей такой мощи достаточно, и съ нею можно вести крупныя сатанинскія дѣла. На самомъ дѣлѣ бѣсовское *могущество и ловкость не такъ велики*,—что познается изъ дѣлъ ихъ и, особенно, изъ дѣлъ бѣсовскихъ ставленниковъ—вѣдьмаковъ и вѣдьмъ, изъ которыхъ одни слабѣе, другіе сильнѣе прочихъ, смотря по тому, отъ какого бѣса воспринята ставленникомъ демоническая наука: старъ и многоопытенъ руководитель—онъ воспитаетъ достойнаго ставленника, и наоборотъ. Посему бѣсовскій скопъ не всегда полагается на единоличную дѣятельность даже испытаннаго товарища своего, а учреждаетъ сотрудника—шпіона, если только не найдется доброохоचाго на сей предметъ помощника. Правда, въ семь послѣднемъ можетъ быть и настоящая надобность, ввиду сопротивленія жертвы, особенной цѣнности ея; но дѣйствующій и его приставникъ достаточно знаютъ роли другъ друга и не тяготеютъ контролемъ. Известно, напр., что въ качествѣ неослабнаго блюстителя за жизнью и поведеніемъ отдѣльнаго человѣка при послѣднемъ состоитъ приставникъ, демоническій хранитель; по тутъ же, помимо случайныхъ искателей приключеній, въ любой срокъ шпионить другой приставникъ, одинаково слѣдящій и за собратомъ, и за человѣкомъ, въ свою очередь, вредя послѣднему. Въ отдѣльныхъ случаяхъ бѣсовскій контролеръ обзаводится по сосѣдству усадьбою, строится, хозяйничаетъ, подобно человѣку. Какое жалкое, непутовое хозяйство! На поверхностный взглядъ оно богато и возбуждаетъ зависть; но образъ и плоды его вредоносны на далекую окружницу, губятъ и соприкасающаеся съ нимъ, настоящее матеріальное довольство. Впрочемъ, въ семь случаевъ контролеръ весьма скоро начинаетъ скучать за святымъ людскимъ занятіемъ—и въ одно прекрасное утро на мѣстѣ роскошной вчера усадьбы окрестное населеніе видитъ пустырь, поросшій недоброкачественною травою; это значитъ—нечистикъ сбѣжалъ.

Пока бѣсъ не принялъ вещественнаго обряда, незримое